

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1"17"

ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМАХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Л.Р. Абдулхакова

Аннотация

В статье рассматривается развитие деепричастий в русском языке первой половины XVIII века. Описаны различные условия, влияющие на выбор определенного суффикса при образовании деепричастий.

XVIII век занимает особое место в истории русского литературного языка. Это, прежде всего, касается интенсивности процессов, проходивших на разных языковых уровнях. В этом отношении можно выделить первую половину столетия, когда изменения были особенно показательными. Если для начала века (первая треть) были характерны стилистическая неупорядоченность и пестрота, практически полное отсутствие языковых норм, то его середину можно охарактеризовать как время поисков новых путей развития русского литературного языка, время попыток создания литературной нормы. В многочисленных работах по истории русского литературного языка большое внимание уделяется изменениям в области лексики и фразеологии, синтаксиса и стилистики русского языка XVIII века. Вместе с тем состояние грамматических форм также заслуживает того, чтобы стать предметом специального рассмотрения.

Объектом нашего исследования стали деепричастные формы в разножанровых текстах первой половины XVIII века. Были использованы следующие источники: Письма и бумаги Петра I, Ведомости, сочинения И.Т. Посошкова, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова и др. Весьма показательны состояние рассматриваемых форм в языке Тредиаковского и Ломоносова, которые были не только литераторами, но и проявляли научный интерес к языку.

При рассмотрении деепричастий мы выделили две группы образований: формы от глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НВ) вида. Для обеих групп было характерно наличие синонимичных форм, однако их соотношение на протяжении первой половины XVIII века было различным, что позволяет проследить определенную динамику в их развитии.

Деепричастия СВ. В первой трети XVIII века в этой группе были представлены два основных типа форм – с суффиксами *-в* (*приняв, написав, развив*) и *-а* (*уставя, высмотря, отслужя*), причем последние были образованы преимущественно от глаголов II спряжения, т. е. существовали определенные формально-грамматические ограничения при их образовании. Подобные отношения являются продолжением тенденций развития рассматриваемых форм в предшествующий период их истории, когда происходило нарастание деепричастий на *-а* от глаголов II спряжения. Например, в статейных списках Путешествий русских послов, относящихся к XVII в., число таких форм по сравнению с XVI в. заметно увеличивается. Своеобразный пик форм на *-а* приходится на первую треть XVIII века. В текстах этого времени – в ПБП, Ведомостях, у Посошкова, Татищева – их количество неуклонно возрастает, так что в сочинениях последнего практически все глаголы II спряжения образуют именно деепричастия на *-а*. Приведу лишь некоторые примеры:

...и чего прилежно ищет, **получа**, бросает, и всегда новаго хочет (Тат., с. 67); но скифы, **победя** египтян, первенство рода и языка их утвердили (Тат., с. 96–97); **оставя** жену з детьми, ушел в сию тогда пустыню, где, **построя** в земле малую избушку жил лет 10 (Тат., с. 252).

Растет и число одноосновных грамматических синонимов – деепричастий, образованных от одной и той же глагольной основы при участии разных суффиксов. Контекстуальные условия функционирования форм на *-а* и *-в* дают возможность говорить о равнозначности синонимичных образований, которые, как правило, обозначали второстепенное действие, предшествующее основному, например:

Дворяня, **накупив** пустошей, да в наймы отдают (Посош., л. 7 об.) и: А буде кто, **накупя** скота, погонит, не запятнав (Посош., л. 219).

Однако картина существенно меняется к середине столетия. В языке Тредиаковского, Сумарокова и др. формы с суффиксом *-а* оказываются единичными и при этом не ограничиваются II спряжением (*рассмотря, засвидетельствуя, посея*). Основную долю деепричастий СВ составляют образования на *-в* (*предуведав, восприяв, рассудив*) или *-вши* (*истребивши, отвергнувши, восстенавши*), и, хотя формы на *-в* преобладают, количество деепричастий с суффиксом *-вши* также достаточно велико. Многие образования с суффиксом *-в* имеют одноосновные синонимы: *услышавши-услышав, узревши-узрев, схвативши-схватив*. Контекстуальные условия использования деепричастий с суффиксом *-вши* позволяют говорить об отсутствии каких бы то ни было ограничений в их употреблении. Подобные образования были возможны как в прозе, так и в поэтической речи, как в баснях, так и в трагедии.

Особенно наглядно о стилистической равнозначности форм на *-в* и *-вши* свидетельствуют случаи одноосновной синонимии, ср.:

Услышав, Господи, слух Твой,
Боязнию содрогся крайно (Тред., Оды, I, с. 351)
и: Будешь, Господи, во гневе,
И не призришь бедных в реве,
Наш **услышавши** сей глас? (Тред., Оды, I, с. 318);
И на колена пад, **схватив** при том и руку,

Ах! жалким словом ей... (Тред., Деидамия, I, с. 604)
 и: Он на колена пад, мою ж **схвативши** руку,
 Ах Навплия! сказал... (Тред., Деидамия, I, с. 594).

Таким образом, у Третиакковского наблюдается сокращение числа форм с суффиксом *-а* и нарастание форм с суффиксом *-вши*.

Дальнейшие изменения наблюдаются в языке исторических сочинений Ломоносова, в произведениях Сумарокова. Синонимия, имевшая место в первой трети столетия, заменяется большим единообразием в оформлении деепричастий – формой с суффиксом *-в*, которая соответствует современной норме (*похитив, вступив, призвав, вздохнув*). В то же время сохраняется и возможность использования иных аффиксов, однако они выступают лишь в единичных случаях. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что история форм на *-вши* не закончилась в XVIII в. Значительное распространение подобные образования получили гораздо позже: в XIX – начале XX вв.

Изменения коснулись и деепричастий, образованных от возвратных глаголов СВ. В этом случае синонимия сначала была представлена тремя типами образований: на *-а(сь)* (*уведомясь, согласясь, случась*), *-в(ся)* (*собрався, дождался, напився*), *-вши(сь)* (*родившись, съехавшись, взобравшись*). Противопоставление первой группы остальным, как и для невозвратных форм, было связано с формально-грамматическими особенностями производящих глаголов – их отнесенностью ко II спряжению. Возможность использования подобных деепричастий остается достаточно высокой вплоть до середины века. В исторической прозе Ломоносова формы на *-а(сь)* зафиксированы у 33 глаголов (причем все II спряжения), тогда как деепричастия на *-вши(сь)* – лишь у 12. Противоположная ситуация наблюдается у Третиакковского, который как будто избегает форм на *-а(сь)*: их у него только 2 (*родясь* с синонимом *родившись* и *явьясь*).

Другую значительную группу возвратных образований составили формы с суф. *-в(ся)*. Так, в ПБП, Ведомостях, у Татищева и др. они оказываются более предпочтительными по сравнению с деепричастиями на *-вши(сь)*. К середине столетия эти формы идут на убыль: у Третиакковского основными становятся деепричастия на *-вши(сь)* (*ослепившись, раздражившись, коснувшись*), *-в(ся)* отмечено лишь в 5 случаях, 3 из которых имеют синонимы на *-вши(сь)* (*собрався-собравшись, наполнился-наполнившись, возвратился-возвратившись*). У Ломоносова форм на *-в(ся)* не обнаружено. Таким образом, и для возвратных форм можно говорить об увеличении числа образований с суффиксом *-вши*, с одной стороны, и о продолжающейся конкуренции с суффиксом *-а* – с другой.

Деепричастия НВ. В этой группе образование деепричастий также характеризуется наличием синонимии, хотя отношения между синонимичными формами складываются несколько иначе, чем в СВ. Преобладающими, причем в значительной степени, здесь являются деепричастия с суффиксом *-а* (*глаголя, ходя, разделяя*). Кроме того, на протяжении первой половины XVIII века были представлены менее частотные образования с суффиксами *-учи/-ачи* (*живучи, пишучи, едучи, сидячи*), *-уще/-аще* (*живуще, приносяще*), *-в* (*держав, бив, знав*), *-вши* (*воевавши, плутовавши, ходивши*). Формы с этими суффиксами были возможны и у возвратных глаголов (*пенючись, надеючися, витався, бившись*).

Иногда от одного глагола образовывались разноаффиксные деепричастия (*зная-знав-знавши, пиша-пишучи-писав* и др.).

Отношения между синонимичными формами складывались по-разному. Так, формы на *-уще* вследствие своего происхождения обладали возможностью стилистического противопоставления другим образованиям, и прежде всего формам на *-учи*. Такая ситуация наблюдается, например, в языке Посошкова, ср.:

И в таковых суетах **живуще**, не токмо стадо христово пасти, но и себя не упасти (л.28 об.) и: И в таковой скудости **живучи**, как ему и не своровать и как ему с службы не бежать (л. 4 об.).

Однако в дальнейшем такие образования теряли стилистическую маркированность, что, по-видимому, и привело к их утрате. Отсутствие стилистической окрашенности названных форм наблюдается у Третьяковского, где деепричастия на *-ущи* использованы в басне:

Да и ползаешь всегда только по землишке,
Ищуци с прекрайним пропитания трудом (Тред., I, с. 214);
 И как будто ей была в том сия утеха,
 Что прочь **отходящи** говорить так начала:
 Ягода веть эта ныне очень не спела! (Тред., I, с. 240).

Что касается форм с суффиксом *-учи*, то вопреки ограничениям при их образовании, сформулированным М.В. Ломоносовым, они достаточно свободно использовались многими авторами в разных стилистических условиях. Сравнение контекстуальных особенностей употребления форм на *-учи* и *-а* свидетельствует, на наш взгляд, об их равнозначности, ср:

А Боги потели с трудов **бьучись** на полях Палленейских (Тред., I, с. 434);
 ...какова веселия не имеет он, **снимаючи** груши с древес, им самим привитых? Или **срезывая** виноградные кисти, всякаго багреца цветнейшия? (Тред., I, с. 732);

Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи сея, дает пиша в законы (Сумар., I, с. 364);
 Народы дикие, не **знаючи** науки,
 Воюют пращами и напрягают луки (Лом., Избр., с. 310) и:
 Цветут спокойные, не **зная** бурь, долины,
 Где редко молнии возможно досягать (Лом., Избр., с. 347).

Стилистическая нейтрализация форм на *-учи*, наряду с их специализацией в качестве обстоятельства образа действия, могла стать причиной их постепенной утраты. Сохранению же этих образований на протяжении всего столетия могли способствовать фонетические факторы: деепричастия образовывались с помощью суффикса *-учи* в тех случаях, когда было необходимо максимально сохранить единство основы или избежать нежелательного сочетания звуков: *могучи* вместо *мога*, *могя*; *бьучись* вместо *биясь*, *бьясь*, *бегучи* вместо *бежа* и *под*.

Иного рода отношения складывались, видимо, между формами НВ с суффиксами *-а* и *-в*. Будучи генетически разными временными формами древнего причастия (на *-а* – настоящего времени, на *-в* – прошедшего времени), эти об-

разования и в деепричастном употреблении в течение длительного времени сохраняли оттенки временного значения в своей семантике. Отголоски подобных отношений наблюдаются и в нашем материале. Так, у Сумарокова эти формы, образованные от одного и того же глагола, выступают в качестве однородных членов предложения, подчеркивая разные временные рамки упомянутого действия:

Быти тунейдцом не **делава** и не **делая** ни малейшия роду человеческого услуги (Сумар., 10, с. 127).

Формы на *-в* могут передавать значение второстепенного действия, предшествовавшего основному, при этом оно, как правило, представляется завершенным ко времени осуществления основного. Например:

Умру ль я просто так не **видевши** того?

Я умираю здесь безвинно для кого (Тред., Деидамия, I, с. 707);

ср. также: Владимир, **ходив** на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал (Лом., VI, с. 271), но: Некогда Олав, **ходя** по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона (Лом., VI, с. 256).

Часто в деепричастных оборотах содержатся и специальные временные указатели (*прежде, целый день, год* и под.), ограничивающие второстепенное действие определенным пределом:

Не можешь ли еще терпеть, **терпевши год**? (Тред., Деидамия, I, с. 585);

...для меня сие, есть плыть по Москве реке мурчугами, и *целый день* **плыв**, пристать другим боком судна к тому же попелищу (Тред., Разговор, III, с. 241–242);

Долго так **стояв**, ...солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев (Лом., VI, с. 193);

...христианскую кончину к богу преселился июля в 15 день, **жив лет 73, государствовав** в идолслужении 8, в христианстве 27 (Лом., VI, с. 275);

От того, что я во всю не спал ночь, и заснул уже почти на свету, так не **спав целую ночь**, заснув, конечно крепко спать будешь (Сумар., 5, с. 35).

Однако возможности такой дифференциации разноаффиксных форм к середине XVIII в. были, по-видимому, исчерпаны, так как завершенность действия гораздо отчетливее выражалась префиксальными производными СВ от соответствующих глаголов. Вместе с тем устранение синонимии такого типа соответствовало общей тенденции развития деепричастных форм, в рамках которой все яснее проявлялась закреплённость соотношения 'вид – форма': совершенному виду основы соответствовала бывшая причастная форма прошедшего времени, несовершенному – форма настоящего времени.

Тождественность форм НВ с суффиксами *-а* и *-в* иллюстрируют следующие примеры:

И **слыша**, что они... вовсе Орду его разоряют, поспешно для ея избавления возвратился (Лом., VI, с. 320) и: Роман, сие **слышав** послал к Игорю с дарами и с прошением (там же, VI, с. 227).

Таким образом, для деепричастий НВ в первой половине XVIII века также было характерно стремление к выработке единой нормы в процессе выбора из целого ряда синонимичных образований. Сохранение синонимии могло под-

держиваться разными причинами: фонетическими, семантическими, стилистическими и др.

Итак, грамматическая синонимия деепричастных форм продолжает развиваться и в первой половине XVIII века, причем отношения между синонимичными образованиями складываются по-разному в зависимости от вида производящего глагола:

1. Для СВ можно говорить о формально-грамматической обусловленности выбора того или иного аффикса при отсутствии стилистических и семантических различий между разными формами.

2. Деепричастия НВ отличаются значительным разнообразием. При этом иногда прослеживаются следы былых отношений, связанные с генезисом тех или иных форм. Это проявляется: в семантико-грамматической противопоставленности синонимичных образований (завершенность второстепенного действия – его одновременность с основным); в стилистической дифференциации форм (с суффиксами *-учи* – *-уци*). В ряде случаев сохранение синонимов поддерживается фонетическими, аналогическими и другими причинами. Однако перечисленные отношения носят нерегулярный характер, что позволяет рассматривать их как затухающие.

3. В образовании и употреблении деепричастий в первой половине XVIII века наблюдаются и индивидуально-авторские особенности.

Summary

L.R. Abdulchakova. The development of the adverbial participles in Russian language of the first half of the 18th century.

The article studies the development of adverbial participles in Russian language during the first half of the 18th century. It was shown that using of different suffixes in production of adverbial participles depends on different conditions.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. – Т. VI. – М.; Л.: АН СССР, 1952.
2. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1986.
3. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и др. сочинения. – М., 1951.
4. Сочинения Тредьяковского: в 3 т. / Полное собрание сочинений русских авторов. – СПб.: Изд. Ал. Смирдина 1849.
5. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: в 10 т. – М.: Университетская типография Н. Новикова, 1787.
6. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. – Л., 1979.

Поступила в редакцию
16.02.05

Абдулхакова Ляйсэн Равилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.
E-mail: Lyaissen.Abdulchakova@ksu.ru